

Работа над ошибками

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ КРЕМЛЯ НА АВТОРИТАРНЫХ ВЫБОРАХ 2016 ГОДА

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 437

Август 2016 г.

Владимир Гельман¹

Европейский университет в Санкт-Петербурге; университет Хельсинки

После волны протестов, охвативших Россию в ходе выборного цикла 2011-2012 годов, руководство страны начало целенаправленно работать над недопущением массовой мобилизации протестного электората в ходе последующих выборов. Оно, в частности, провело серию институциональных изменений и перешло к [«политике страха»](#) с целью ослабить политическую оппозицию. В ходе подготовки к выборам 2011-2012 годов оппозиции удалось организовать эффективную негативную кампанию против выставленных Кремлем кандидатов. Однако сейчас, в преддверии назначенных на 18 сентября парламентских выборов, российское руководство почти уверено, что ему удалось значительно снизить риск массовых протестов. Анализ организованной Кремлем предвыборной кампании 2016 года помогает лучше понять механизмы выживания российского авторитаризма.

Пришел черед репрессий?

В первые два десятилетия после развала СССР уровень политического протеста в России оставался на удивление низким. В большинстве случаев мобилизации россиян, недовольных существующим режимом, в протестах участвовало лишь несколько сотен активистов – а иногда и того меньше. Именно поэтому выход на улицы Москвы и других российских городов десятков тысяч протестующих во время [«зимы протестов»](#) 2011-2012 года был воспринят Кремлем как серьезный вызов для его стратегии сдерживания протестного потенциала. Исходя из задач сохранения авторитарного режима, проблема заключалась не только в тактических ошибках, совершенных Кремлем в ходе предвыборной кампании, но и в его склонности использовать не кнут, а пряник для достижения своих целей. В рамках этого подхода полулояльные игроки выступали в качестве младших партнеров в широкой прокремлевской коалиции, применявшиеся к оппонентам репрессивные меры были довольно мягкими, а во время президентства Дмитрия Медведева из Кремля даже раздавалась довольно громкая либеральная риторика. Однако ко времени возвращения Путина в президентское кресло стало ясно, что данная стратегия сдерживания себя исчерпала. Главным уроком протестов 2011-2012 года для российского руководства стало то, что даже весьма поверхностная либерализация

¹ [Владимир Гельман](#) – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и университета Хельсинки.

несет в себе угрозу авторитарному статус-кво. Кремлевский режим пришел к выводу о необходимости закрутить гайки и чаще использовать кнут вместо пряника.

На практике это выразилось в «политике страха», которая началась сразу после выборов 2011-2012 года (и усилилась на фоне аннексии Крыма и последовавшей за ней конфронтации с Западом). В основе этих мер лежало стремление избежать риска протестной мобилизации в ходе выборов 2016-2018 годов. Кроме того, переход российского режима к систематическим репрессиям был также вызван и ухудшением экономической ситуации. Спад экономики на фоне снижающихся цен на нефть и международных санкций (а также ответных российских контр-санкций) не оставил режиму дальнейшей возможности для покупки лояльности российских граждан посредством повышения заработных план и социальных выплат. Напротив, социальные расходы в России даже начали снижаться в преддверии выборов 2016 года.

После 2012 года Кремль стал целенаправленно наносить удары по инфраструктуре организованного протестного движения, используя при этом не только позднесоветскую модель репрессий, но и тактику авторитарного режима в соседней Беларуси. К примеру, разгон антипутинской демонстрации в Москве в мае 2012 года и преследования нескольких десятков во многом случайно отобранных участников протестной акции почти как под копирку повторяли меры, предпринятые режимом Александра Лукашенко после президентских выборов в декабре 2010 года.

В основе нынешней систематической и целенаправленной «политики страха» лежит комбинация жестких новых законов и их избирательного применения против несогласных с режимом. К инструментам репрессивной политики, в частности, относятся:

- (1) Преследование и запугивание реальных и потенциальных оппозиционеров – как частных лиц, так и организаций (прежде всего НКО, которые считаются центрами антиправительственных сетевых структур);
- (2) Усиление контроля над распространением информации (замена руководителей ряда СМИ и ужесточение законов о борьбе с экстремизмом);
- (3) Стимулируемая режимом истерика на тему «культурных войн», которая эффективно используется Кремлем как инструмент консолидации общественного мнения вокруг правящего режима и публичной дискредитации оппонентов.

В результате всех этих мер количество участников протестов значительно сократилось. Сотни активистов уехали из страны, опасаясь уголовного преследования. Многие независимые организации были вынуждены закрыться либо прибегнуть к самоцензуре. На оставшиеся режим наклеил ярлыки «иностранных агентов» и «национал-предателей». Хотя количество политзаключенных в России остается сравнительно небольшим по сравнению с другими авторитарными режимами по всему миру, оно сейчас значительно выше, чем было до 2012 года. Более широкой стала и практика угроз применения насилия в отношении оппонентов; убийство Бориса Немцова в феврале 2015 года является лишь верхушкой айсберга.

Усиление репрессий в преддверии парламентских выборов 2016 года стало тяжелым ударом для оппозиционных партий и их сторонников. Вместо энтузиазма и надежды, отмечавшихся в 2011 году, для оппозиционной среды сейчас характерны уныние и пессимизм. Так называемая «лояльная оппозиция» - КПРФ и «Справедливая Россия» - в основном следуют линии Кремля и критикуют лишь отдельные его решения.

Тем временем партии «нелояльной оппозиции» подвергаются систематическим гонениям. В ряде российских регионов эти партии не допустили к участию в региональных и местных выборах, а их мобилизационный потенциал сильно упал. Партия ПАРНАС, которая объединила целый ряд оппозиционных активистов, пережила несколько серьезных расколов. Ей также не удалось наладить сотрудничество с оппозиционной партией Яблоко; в результате обе партии конкурируют за один и тот же немногочисленный электорат. Самый известный российский оппозиционер Алексей Навальный также не был допущен к участию в выборах.

Переписывание правил игры

Незадолго до начала нынешней предвыборной кампании правила проведения выборов были в очередной раз переписаны. Выборы 2007 и 2011 годов проходили по пропорциональной избирательной системе с семипроцентным порогом прохождения партий в парламент. Нынешние выборы проводятся по смешанной несвязанной пропорционально-мажоритарной системе с пятипроцентным барьером; подобные правила существовали в 1993-2003 годах. К числу недостатков такой системы в то время относилось чрезмерное влияние на исход выборов со стороны местного руководства, поскольку кремлевская «вертикаль власти» тогда была слабой и не позволяла Москве выстроить сильную и дисциплинированную партию власти. После восстановления Путиным централизованной «вертикали власти» пропорциональная избирательная система оставляла региональным лидерам (губернаторам) мало шансов на проведение своих протезе в парламент. При этом на них продолжала лежать ответственность за обеспечение приемлемых результатов «Единой России» в своих регионах. Возврат к смешанной избирательной системе создает для губернаторов сбалансированную комбинацию «кнута и пряника», чтобы обеспечить Центру активную поддержку с их стороны в обмен на свободу рук в одномандатных округах. Неудивительно, что границы одномандатных округов во многих регионах были перекрыты в пользу сельских районов, где местные политические машины могут работать в полную силу, не встречая серьезного сопротивления.

Что же касается выборов по партийным спискам, то здесь большинство предвыборных опросов общественного мнения предсказывали уверенную победу «Единой России». Согласно данным опроса, проведенного в августе 2016 года Фондом «Общественное Мнение», за партию власти намерено голосовать 45% избирателей (что несколько меньше, чем 56% в декабре 2015 года). По данным того же опроса, кремлевские сателлиты – КППРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР – могут получить на выборах, соответственно, 10, 8 и 8 процентов голосов. В некоторых одномандатных округах ставленники Кремля и/или местных губернаторов выступали в качестве независимых кандидатов, а не выдвиженцев «Единой России». Кроме того, «Единая Россия» не выставила своих кандидатов примерно в 15 одномандатных округах в рамках негласных договоренностей с КППРФ и «Справедливой Россией». По мнению экспертов, реальная борьба за место в парламенте развернется примерно не более чем в 30 из 225 одномандатных округов, при этом те округа, где у оппозиционных кандидатов есть серьезные шансы, можно пересчитать по пальцам.

Еще одной уловкой Кремля на нынешних выборах стало само время их проведения. Все предыдущие думские выборы проводились в декабре, а нынешние были перенесены на середину сентября. Цель этого шага – максимально снизить общественный интерес к выборам на фоне традиционного летнего сезона отпусков. Более низкая явка облегчит манипуляции с голосами и уменьшит эффективность негативной кампании со стороны оппозиции. Перенос выборов на более раннюю дату также можно рассматривать как превентивную меру по

минимизации протестного голосования, поскольку ближе к зиме ожидается рост недовольства избирателей в связи с ухудшающейся экономической ситуацией. Тем временем Кремль пытается избежать каких-либо серьезных скандалов или обвинений в недемократичности выборов. Печально известный председатель Центральной избирательной комиссии Владимир Чуров, занимавший эту должность с 2007 года, был отправлен в отставку. На его место назначена бывшая уполномоченная по правам человека Элла Памфилова, которая неоднократно высказывалась за проведение «честных» выборов. Перестановки также были проведены в ряде региональных избирательных комиссий.

Подобные меры, однако, являются не более чем декорациями. Как [признался](#) на своей странице в Facebook один из связанных с Кремлем политтехнологов, президентская администрация поставила перед нижестоящими этажами «вертикали власти» четкую задачу обеспечить «Единой России» две трети голосов любыми средствами и методами. При этом в Москве и Санкт-Петербурге, по его словам, будет изображаться честность выборов, чтобы избежать недовольства политически активного городского электората. А вот в регионах никакой имитации честности не будет, и выборы там будут проводиться как обычно, с использованием админресурса и особого подсчета голосов (т.е. [подтасовок](#)). В этой связи ряд наблюдателей считают, что «Единой России» удастся вернуть себе большинство в две трети мест, которое она имела в Государственной Думе до 2011 года.

Наконец, следует отметить, что реакция российских избирателей на политические перемены, произошедшие со времени парламентских выборов 2011 года, стала совсем не такой, как предсказывали многие аналитики. Ее скорее можно охарактеризовать как *инволюцию*, а не революцию. По результатам [опроса](#) Левада-Центра в июле 2016 года, россияне сейчас демонстрируют самый низкий интерес к выборам за всю историю наблюдений. Лишь 46% респондентов заявили, что обсуждают с другими людьми предстоящие выборы; в октябре 2011 года эта цифра составляла 62%. С утверждением о том, что парламентские выборы являются важным событием, согласилось только 33%, а 39% заявили, что «ходить на выборы бесполезно». Российский климат политической апатии обусловлен, среди прочего, отсутствием реальной политической конкуренции и общественного запроса на серьезные политические изменения. Общество в большинстве своем смирилось с существующим статус-кво – не потому, что руководство страны пользуется искренней поддержкой, а потому что любые альтернативы нынешнему общественно-политическому порядку воспринимаются как еще менее привлекательные и/или как нереалистичные.

К новому авторитарному равновесию?

Несмотря на то, что парламент, избранный в 2011 году, оставался лояльным Кремлю, любые выборы для правящего российского режима теперь являются рискованными. Закручивание гаек, перекройка институтов и более плотный политический контроль над ситуацией в рамках «вертикали власти» помогают российским властям поддерживать авторитарное равновесие и легитимизировать статус-кво. Недемократические выборы также служат и инструментом частичного обновления элит путем более тщательного отбора и продвижения кандидатов со стороны Кремля и его ставленников на местах.

Ожидаемая победа российских властей на сентябрьских выборах даст им карт-бланш на любые шаги, которые те сочтут необходимыми; в настоящее время Кремль не связан никакими внутривнутриполитическими ограничениями, кроме нарастающих проблем в экономике. С учетом предстоящих в 2018 году президентских выборов нельзя исключить, что новый парламент

окажется проводником серьезных конституционных изменений. Логическим продолжением нынешней авторитарной траектории России может стать принятие новой конституции, из которой будут вычеркнуты многочисленные декларации о правах и свободах человека, верховенстве международных обязательств России по отношению к внутренним правовым актам, и прочая либеральная риторика (не говоря уже о снятии ограничения на количество президентских сроков для главы государства). После ожидающегося в сентябре восстановления авторитарного равновесия в России Кремль будет заинтересован в дальнейшей консолидации политических и институциональных механизмов управления с целью обеспечения своей монополии на власть в обозримой перспективе.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org